

ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ОСОБЫХ КОНСТРУКТОРСКИХ БЮРО В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Нуриев Р.Т.

ruslan.nuriev.aiesec@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация: Деятельность Особых конструкторских бюро (ОКБ) и их вклад в развитие военно-промышленного комплекса СССР является самостоятельным и малоисследованным направлением в рамках изучения экономики принудительного труда в конце 1920-х-начале 1950-х гг. Данное направление включает в себя широкий круг исследовательских проблем. Среди них – место Особых конструкторских бюро в пенитенциарной системе Советского Союза, разработка новых видов техники и вооружений, быт и повседневность заключенных ОКБ. В статье идет речь о причинах появления Особых конструкторских бюро, рассматриваются предпосылки их возникновения, в том числе крупные политические дела против технической интеллигенции, такие как «Дело промпартии» и «Шахтинское дело». Показывается как проходил процесс встраивания ОКБ в общую пенитенциарную систему, в том числе история появления первого ОКБ в Бутырской тюрьме и его разработки. В качестве источников рассмотрены законодательно-нормативная база СССР и РСФСР, которая представлена постановлениями правительства, положениями Объединенного государственного политического управления, перепиской наркоматов, министерств и ведомств СССР. Статья базируется на принципах историзма, системности и научной объективности. Для полного исследования поставленной темы в статье были использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Ключевые слова: принудительный труд, пенитенциарная система СССР, разработка вооружения, заключенные специалисты, техническая интеллигенция.

THE FIRST SPECIAL DESIGN BUREAU IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE SOVIET UNION

R. Nuriev

ruslan.nuriev.aiesec@gmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract: Activity of the Special Design Bureau and their contribution to development of military industrial complex of the USSR is the independent and low-studied direction. This problem researched within studying of economy of involuntary servitude in the end of 1920th to beginning of the 1950th. This direction includes a wide range of research problems. Among them – the seat of Special Design Bureau in penal system of the Soviet Union, development of new types of the equipment and arms, life and daily occurrence of prisoners of experimental design bureau. The reasons and prerequisites of Special Design Bureau, cases against technical intellectuals considered in the article. It is shown that Special Design Bureau built in penitentiary system of RSFSR and USSR. The standard legislative base of USSR was considered as sources. It is presented by government resolutions, provisions of the Joint State Political Directorate, correspondence of departments of USSR and other sources. Article based on the principles of historicism, systemacity and scientific objectivity. Historical-genetic and historical-comparative methods used for a full research of the put subject in article.

Keywords: forced labor, penitentiary system, development of arm, prisoners-engineers, technical intellectuals.

История становления советской промышленности тесно связана с историей ГУЛАГа и пенитенциарной системой Советского Союза в целом. Руками заключенных строились заводы, каналы, железные дороги, целые промышленные центры. Отдельное место в судьбах страны занимает деятельность репрессированной научно-технической интеллигенции и особых конструкторских и технических бюро, в которых работал данный контингент. Вклад репрессированных специалистов в развитие советской науки и техники до сих пор полностью не раскрыт и требует более детального освещения.

Такие учреждения как Особые конструкторские (технические) бюро или как их называли заключенные «шарашки» возникли не сразу. Их появлению предшествовало постепенное использование принудительного труда осужденных в исправительной системе сначала РСФСР, а затем СССР.

Надо понимать, что пенитенциарная система СССР не возникла на пустом месте. После прихода к власти большевиков, в результате революции 1917 г., уже существовала царская исправительная система со своими мерами принудительного труда. Однако, новому государству для решения своих собственных идеологических, политических и социальных задач необходимо было совершенно иное. Для установления власти и устранения угрозы реставрировались и реконструировались не только старые элементы пенитенциарной системы, но вводились и новые.

От старой системы остались базовые элементы, которые имели новое название, но выполняли прежние функции: Народный комиссариат юстиции (НКЮ), Народный комиссариат внутренних дел, (НКВД) Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров (ВЧК при СНК). В тоже время пенитенциарная система стала приобретать черты, отличавшиеся от старой, например, появились лагеря принудительных работ.

К 1921 г. в 34 губерниях действовало 84 лагеря, в которых насчитывалось 59636 заключенных. Трудом было занято 67% осужденных, что являлось довольно высокой цифрой для мировой пенитенциарной практики. Большинство работающих составляли люди, переданные в распоряжение учреждений и ведомств и слабо контролируемые лагерной администрацией [1, с. 146].

Большую часть 1920-х гг. понятия «тюрьма», лагерь и «принудительный труд» были довольно размытыми. Контроль над пенитенциарными учреждениями постоянно переходил из рук в руки. Ответственные ведомства постоянно реорганизовывались и переименовывались, а возглавить систему пытались различные партийные и государственные деятели [2, с. 48].

К концу Гражданской войны удалось выработать систему мест лишения свободы, состоявшую из двух четко разграниченных частей. «Обычной» системой тюрем, где содержались главным образом уголовники, ведал снача-

ла Наркомат юстиции, а позднее Наркомат внутренних дел [3, с. 92]. Здесь заключенных содержали в тюрьмах традиционного типа, а целями являлись перевоспитание заключенных посредством исправительного труда и предотвращение дальнейших преступлений. В то же время ВЧК заведовала другой частью системы – системой лагерей «особого назначения» [4, р. 69]. И хотя этот орган использовал те же средства перевоспитания, лагеря особого назначения не были задуманы, как обычные исправительные учреждения. В них существовали более строгие правила режима, более суровые наказания за побег. В этих местах, заключенных не судили обычным судом, если вообще судили. Создание лагерей была особой и экстренной мерой. Однако с увеличением количества «врагов народа» увеличивался и репрессивный аппарат, частью которого были лагеря.

Что же касается работы осужденных техников, а такие были еще до крупных дел против специалистов конца 1920-х гг., но в гораздо меньшем количестве, то в августе 1921 г. совместным циркуляром ВЧК, Центрального карательного отдела НКЮ и Председателем главного комитета труда были установлены временные правила отправки заключенных специалистов на работу в советские учреждения и предприятия. Согласно данным правилам, осужденные, располагающие специальными знаниями, направлялись на место работы (иногда прежнее) по персональным заявкам от работодателей. В командировке осужденные специалисты работали, как правило, без конвоя. Единственной их обязанностью как заключенных являлась ежедневная регистрация времени убытия и прибытия на работу, которая сообщалась в лагерь [5, с. 121]. В 1922 г. руководство ГПУ решило, что необходимость использования специалистов по такой схеме отпала и правила были отменены.

Со временем, неорганизованность промышленности привела к ряду крупных процессов против технической интеллигенции и росту арестов специалистов. Подобный человеческий ресурс нельзя было растрчивать просто так, особенно в условиях технической и военной отсталости молодого Советского государства. В связи с этим, заключенные специалисты стали привлекаться к работе над закрытыми проектами под надзором Особого государственного политического управления (ОГПУ).

В молодом Советском государстве одной из наиболее важных задач было налаживание промышленности, создание новых производственных центров и бесперебойных поставок товаров, а также развитие военного комплекса. Все это должна была решить развивающаяся советская промышленность. Однако в середине 1920-х гг. на крупных предприятиях участились аварии, пожары, взрывы, которые якобы являлись следствием диверсионных действий, направленных как из-за рубежа, так и в результате преступной халатности советских граждан [6, с. 121]. С этого момента за дело берутся органы ОГПУ, которые начинают возглавлять борьбу с диверсиями.

Еще с 1923 г. на предприятиях и в организациях создавались сети осведомителей. Посредством этих сетей органы госбезопасности должны были

все видеть и знать. Проверке подвергался личный состав работающих на предприятиях, кроме того проверялся и состав наркоматов, вплоть до наркомов и коллегии всех главков. Предприятия, нарушавшие экономические интересы страны ставились на учет, а все материалы, касающиеся преступлений и дающие основания к подозрению их руководства в ненормальном и вредном развитии организаций систематизировались и вкладывались в дела предприятий. Постепенно в органах ОГПУ появились формуляры на все крупные промышленные и оборонные заводы СССР.

На протяжении 20-х годов усиливалась работа Экономического управления ОГПУ. Это управление начало свою работу в ВЧК в 1921 году. К его задачам относилась борьба с экономическим шпионажем, экономической контрреволюцией, хозяйственными и должностными преступлениями. С 1925 г. деятельность ЭКУ ОГПУ стала переходить к новым формам и методам. Органами ЭКУ ОГПУ было усилено обслуживание заводов военной промышленности (приказ ОГПУ № 144/51 от 17 июля 1926 г.) [7]. Для этого в его состав было включено специальное 9-е отделение, которое кроме военной промышленности вело мобилизационную работу гражданских учреждений, заводов и трестов. К 1931 г. структура ЭКУ ОГПУ меняется и в нем образуется 4 основных отдела, а позднее учреждается 5-е Специально-техническое отделение по использованию осужденных специалистов.

Появление этого отделения обусловлено ростом осужденных специалистов, число которых начиная с середины 20-х годов XX века постоянно увеличивалось. Был подготовлен специальный циркуляр, в котором обосновывалась необходимость в тщательной проверке и подборе руководящего и административно-технического персонала в основных отраслях промышленности.

Самыми яркими показателями сложившейся системы стали громкие дела против специалистов, такие как «Шахтинское дело» и дело «Промпартии». Процесс «Шахтинского дела» или «Дела об экономической контрреволюции на Донбассе» проходил с 18 мая по 6 июля 1928 г. и широко освещался в прессе. Основные аресты начались летом 1927 г. и продолжались до весны 1928 г. К моменту начала процесса под стражей находилось несколько сотен человек. В обвинительном приговоре по делу указано, что в 1922–1923 гг. некоторые буржуазные специалисты контрреволюционную организацию в Шахтинском районе, тесно связанную с бывшими шахтовладельцами Донбасса. С 1925 г. эта организация действовала под руководством Парижского центра. Такие выводы были сделаны из-за рабочих волнений в Шахтинском округе, которые происходили в ноябре 1923 г. Причиной этих волнений стало тяжелое положение в каменноугольной промышленности, в частности добывающей отрасли. Не хватало материальных и финансовых средств и поэтому в первые годы индустриализации производительность в Шахтинском районе сильно отставала от заработной платы. Кроме того, в шахтах использовали сильно изношенное оборудование, не хватало квалифицированных кадров,

что сказывалось на уровне организации труда, который также был довольно низок [6, с. 57]. В подобных условиях вся вина была возложена на инженеров и руководителей шахт.

В резолюции Политбюро, по итогам «Шахтинского дела» говорилось, что оно приобрело общесоюзное значение и вскрыло новые формы и методы борьбы буржуазной контрреволюции против СССР и социалистической индустриализации. На самом же деле, оно запустило цепную реакцию новых уголовных дел и создало негативное отношение у населения к технической интеллигенции. В первую очередь это касалось тех, кто имел дореволюционный стаж работы. Позднее в историографии даже появился термин «спецеедство», который означал враждебное отношение к беспартийным специалистам как результат непонимания политики коммунистической партии по отношению к интеллигенции [8].

«Шахтинский процесс» стал лишь «первой ласточкой» среди процессов над вредителями во всех отраслях промышленности. Сотрудниками ОГПУ были найдены вредители на железнодорожном транспорте, в золотоплатиновой промышленности и во многих других сферах.

Важным показательным процессом против специалистов, который также широко освещался в советской прессе, стало дело «Промышленной партии». Однако, на этот раз речь шла о вредительстве не в одной отрасли промышленности, а сразу в 9: лесной, угольной, нефтяной, цементной, химической, энергетической, электротехнической, текстильной и металлообработывающей [9]. Всего по делам, связанным с «Промпартией», было арестовано более 2000 человек. Согласно протоколу допроса опубликованном в газете «Правда» [10] складывается мнение, что большая часть технической интеллигенции отрицательно относится к Советской власти и уже с самого начала становления Советского государства была его противником, отдавая предпочтения меньшевикам и в целом скептически относясь к большевикам, в особенности к политике «военного коммунизма».

В обоих случаях материалы газет освещают «вредительскую деятельность» в промышленности отдельных групп инженеров и даже сотрудников наркоматов, рассказывают о неправильном использовании бюджетных средств и запуске ненужного производства.

Экономические трудности, которые возникали на протяжении 1920-1930-х гг., списывались на происки вредителей, «саботажников», в том числе специалистов. При этом, нельзя было обвинить кадровых рабочих, которые зачастую были выходцами из деревень и из-за своей некомпетентности выводили из строя оборудование, срывали план работ, потому что это было бы политически неправильно. Вместо них обвиняли инженеров и ответственных специалистов.

С каждым годом число осужденных специалистов увеличивалось. Но в лагерях они занимались низкоквалифицированным трудом, тогда как по другую

сторону колючей проволоки не хватало квалифицированных кадров. За решеткой часто оказывались ученые, инженеры, конструкторы с мировым именем.

В сложившейся ситуации остро стояла одна проблема недостаточного количества технических кадров, что тормозило развитие новых видов вооружений. Как было упомянуто выше, это было связано с политической неблагонадежностью технических специалистов и опасениями их «вредительской» деятельности. Многие из старых специалистов были осуждены в ходе процессов против «вредителей», а вся оборонная промышленность и ее кадры были охвачены «спецедедством». Последствия выбранной политики очевидны – многие «буржуазные» кадры, обладающие необходимыми компетенциями и владеющие нужными знаниями, оказались за решеткой. Учитывая сложившуюся ситуацию 15 мая 1930 года председатель Высшего совета народного хозяйства Валериан Куйбышев и заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода подписали циркуляр «Об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство». Таким образом, были предприняты меры по использованию осужденных специалистов по прямому назначению, но под бдительным контролем спецслужб.

Надо сказать, что к этому времени ОГПУ вошло в активную фазу создание системы использования труда заключенных. Связано это с принятием ряда постановлений СНК СССР. После этого органы госбезопасности получали право назначения, перемещения и увольнения руководящих работников органов уголовного розыска и милиции, их инспектирования и контроля, использования гласного состава и негласной сети милиции и угрозыска в своих целях. Также, в апреле 1930 г. было организовано Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ, которое чуть позже будет переименовано в Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (ГУЛАГ). Таким образом, все эти законы создали почву для проведения массовых репрессий, которые проходили волнами в течении всех 30-х гг. XX века.

Авиапромышленность стала первой отраслью, где начали использовать труд заключенных специалистов. Большинство авиационных специалистов не проходили через громкие процессы, такие как «Шахтинское дело» или «Дело Промпартии». Они были осуждены из-за того, что не справились с правительственными заказами в установленные сроки и не смогли решить «важнейших производственных задач». Припомнили им и их «непролетарское» происхождение. Так, аресту подверглись сын священника Н.Н. Поликарпов (1892–1944), выходцы из интеллигенции Д.П. Григорович (1883–1938), Б.С. Стечкин (1891–1969) и другие. Всего в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было арестовано свыше 30 специалистов по самолетам, двигателям и авиационному оборудованию [11].

В декабре 1929 г. в Бутырской тюрьме было организовано первое конструкторское бюро, где работали такие осужденные. Заключенные проживали там же. Главным конструктором ОКБ был назначен Д.П. Григорович, а его за-

местителем Н.Н. Поликарпов. Перед научным коллективом была поставлена задача разработать истребитель с двигателем воздушного охлаждения, который по своим характеристикам не должен уступать западным аналогам [12, с. 113].

В тюрьме не было возможности создать опытный образец, поэтому сразу же после завершения работы над чертежами всю группу перевели на охраняемые ангары авиационного завода № 39 им. Менжинского, расположенного вблизи Центрального аэродрома. На постройку самолета был выделен месяц. Однако, ОГПУ разрешило набирать сотрудников из числа вольнонаемных, в основном сотрудники заводов № 22 и № 35 [12, с. 116]. Так в команде разработчиков появились А.С. Яковлев (1906–1989), В. Б. Шавров (1898–1976), А. Н. Рафаэльянц (1897–1960). Тогда же ОКБ вошло в состав Технического отделения ЭКУ ОГПУ, заведывавшего использованием арестованных специалистов. Образованный коллектив отличался очень высокой квалификацией.

На испытаниях истребитель из «шарашки» показал отличные характеристики и был сразу, без прохождения дополнительных процедур, пущен в серийный выпуск. Данная модель получила название И-5 и прослужила на вооружении Военно-воздушных сил (ВВС) больше 10 лет. Всего за время эксплуатации модели было выпущено 800 самолетов. Уже после первых испытаний ОГПУ поручило продолжить разработку новых моделей боевых самолетов – штурмовиков, бомбардировщиков, истребителей.

Численность конструкторов как вольнонаемных, так и заключенных, постоянно росла. Новое заведение получило название Центральное конструкторское бюро (ЦКБ-39). В нем было создано множество моделей первоклассных самолетов. Полученные результаты воодушевили руководителей ОГПУ и вскоре были даны указания по созданию новых «шарашек», которые в последующие десятилетия образовывались в разных городах СССР.

Такой вид исправительных заведений, как «шарашки», в сложившейся системе возник не случайно. Как уже было отмечено ранее, к концу 1920-х гг. тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях содержалось большое количество специалистов, начиная от авиаконструкторов и заканчивая геологами. Данный контингент необходимо было обеспечить соответствующей работой, тем более, что на свободе таких людей не хватало, а перед страной стояла амбициозная задача пройти за 10 лет такой же путь развития, на который у капиталистических стран уходило по 50–100 лет [13, с. 39]. Поэтому начиная с 1928–1929 гг., ОГПУ стало массово привлекать осужденных специалистов для работы над специальными проектами.

Другой причиной создания Особых конструкторских бюро был советский бюрократизм. Испокон веков государственное устройство стояло на этом. После революции тенденция дальнейшей бюрократизации аппарата не только продолжилась, но даже усилилась, что привело к созданию структур, дублирующих друг друга. К тридцатым годам бюрократизм проник во все

звенья партийного аппарата и сделал невозможным скорый научный и технический прогресс. Даже конструкторские бюро, которые находились на ведущих предприятиях страны, не получали необходимой поддержки и внимания от наркоматов при решении срочных и трудно выполнимых задач. Данную проблему необходимо было решить таким образом, чтобы иметь возможность быстро обойти преграды, выстроенные административным ресурсом и ускорить время выполнения срочных задач. Подобную функцию взяли на себя службы госбезопасности. Если руководитель конструкторского бюро обращался в наркомат или на предприятие с запросом, неважно, не хватало ли материалов, техники или для решения задачи нужен был направить соответствующий специалист, его запрос тонул в других бумагах. Однако, когда под таким запросом стояла подпись Г.Г. Ягоды, Н.И. Ежова или Л.П. Берии, задача выполнялось в кратчайшие сроки. Таким образом «шарашки» стали «лекарством» в деле форсированного научно-технического развитие, а кадров в системе ГУЛАГа для наполнения подобных заведений хватало [14].

В особых конструкторских бюро ученых, инженеров от работы не отвлекала бумажная волокита, партийные собрания. Рядом не было их семей, да и в принципе не было никакой личной жизни. Большую часть времени заключенные тратили на работу, которой всегда хватало. Вопрос о личной выгоде, славе или деньгах не стоял. Как писал А.И. Солженицын: «На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших ученых: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. Поэтому все конструкторские бюро на воле – это бледный кружок вокруг одной яркой головы. А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят» [15, с. 64]. Мотивацией для специалистов было скорейшее освобождение, которое можно было получить при условии создания первоклассной техники или осуществления научного открытия. При этом система мотивации, существующая для заключенных, на контингент «шарашек» не распространялась, так как все они были осуждены по «политической» 58 статье. Они не могли быть досрочно освобождены. Им не засчитывались в качестве трудовых 2 рабочих дня за 3 дня срока. Единственным выходом для них было или отбыть свой срок полностью, или создать, открыть что-нибудь экстраординарное. Ученые концентрировались на решение задач, объединенные общей целью они работали точно и слажено. Все это приносило хорошие плоды для государства, но становилось трагедией для репрессированных и их семей.

Одной из базовых частей пенитенциарной системы Советского государства было широкое применение труда осужденных. Начиная с постановления ВЦИК РСФСР «О лагерях принудительных работ» в 1919 г. и вплоть до 1930-х гг. эта система все больше разрасталась и обретала новые черты. Одной из таких черт стали Особые конструкторские бюро. Их появление было обусловлено тем, что начиная с середины 20-х годов XX века постоянно увеличивалось

число осужденных специалистов: ученых, техников, инженеров. В результате крупных процессов против научно-технической интеллигенции, враждебного отношения к беспартийным специалистам, Советский Союз столкнулся с ситуацией, когда многие из них оказались в заключении. С другой стороны, отсутствие передовых разработок в самолетостроении, химической промышленности, двигателестроении и дизелестроении, а также в ряде других ключевых сфер военно-промышленного комплекса заставило государство бросить значительные ресурсы в эти отрасли. В этой ситуации, органы госбезопасности выступили как гарант успешного решения проблемы и внесли свою лепту в организацию научных разработок по перечисленным тематикам, а именно создали ОКБ и привлекли для работы в них осужденных специалистов.

Литература

1. Симоненко В.И. Шарашки. Инновационный проект Сталина. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. 192 с.
2. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017. 688 с.
3. Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1955. 256 с.
4. Dallin D., Nicolaevsky V. Forced Labour in Soviet Russia. New Haven, 1947. 129 p.
5. Сборник приказов, циркуляров и распоряжений НКЮ и НКВД РСФСР о деятельности мест лишения свободы. М., 1958. С. 121.
6. Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. 448 с.
7. Приказ ОГПУ № 144/51 [Electronic resource]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1020274>, free.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. [Electronic resource]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-71710.htm>, free.
9. Процесс членов ЦК контрреволюционной организации «Промышленная партия» Вечернее заседание 28 ноября. // Газета «Правда». № 330 (4177). 1930. 1 декабря.
10. Агенты французского империализма и «Торгпрома» перед пролетарским судом. Дело «Промышленной партии» // Правда. 1930. 30 ноября. № 329 (4774).
11. Соболев Д.А. Репрессии в советской авиапромышленности. [Electronic resource]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/sob00v.htm>, free.
12. Хвощевский Г.И. Страницы истории авиационного завода № 39 им. Менжинского. Иркутск: Иркут, 2009. 137 с.
13. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. 423 с.
14. Кербер Л.Л. О коммунистической бюрократии и системе «шараг». [Electronic resource]. URL: <http://www.famhist.ru/famhist/kerber/000016c9.htm#0003cbcc.htm>, free.
15. Солженицын А.И. В круге первом. М.: Наука, 2006. 796 с.

Сведения об авторе

Нурiev Руслан Тагирович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Дата поступления 17.12.2018